

Таёжные были

1. Они...не охотники – убийцы.

Каменистая дорога всё круче убегала из-под колёс в горный урман. Держа крепко руль в мускулистых руках, Сергей Чашин успевал любоваться изумрудными зайчиками на заднем стекле машины, скачущими вслед за ним в игривых радужных лучах восходящего солнца. Тайга парила и раскачивалась на волнах утреннего возбуждения своих беспокойных обитателей. Завораживало, обновляло и исцеляло душу её величие, несущее в себе суровость древних причудливых скал, таинственность недоступных ущелий, вековой сумрак непроходимых распадков, свет и чистоту бесконечных серебряных нитей летящих бесстрашно вниз ручейков.

Сергей торопил старенький уазик по каменистой дороге выше и выше в горы. На дальнем зимовье отца, теперь уже собственном, не был с прошлой осени.

Это зимовье он строил с отцом, будучи подростком. А помнилось все до мелочей: как валили лиственки, подбирая одна к одной по обхвату, шкурили, долбили тесаками пазы, собирали венцы и клали с помощью лебедки один на другой.

Отцу хотелось, чтоб изба была просторнее, чем та, ближняя, срубленная им в молодые годы и завалившаяся на подмытый талой водой бок, напоминая ему о многом, добром и худом. Тогда он не имел своего уголья. Поставил избу вблизи посёлка для охотничьих нужд. Позже, на собственных лесных просторах, срубил для сыновей ещё три, ладненькие, утеплённые, с ёмкими лабазами для зимней охоты на песцов и соболей.

Здесь, в медвежьем закоулке, малодоступном вседозволенности ненасытного человека, полно всякого промыслового зверья. Отец оставил Сергею двенадцать берлог бурых медведей, стадо диких оленей и несколько лосиных лежбищ.

Наконец-то, внизу замаячило большое, вытянутое с юга на север сосновое болото, излюбленное глухаринное поместье. Серей мысленно спустился к нему и замер в схроне. «Запаздываю. Влюбленные красавцы, небось, вдоволь напелись, наплясались. Бывало, к этой поре мы с отцом уже отводили душу, неделями днюя и ночуя на токовищах. А тут работа и работа. И вообще нефтеразведку лихорадит, как никогда. То одно у них, то другое. Из-за нелетных погод часто запаздывают вахтовики. Замучили местных бурильщиков с подменами. А буровую, как дитя, не бросишь на кого попало. Спасибо бригадиру, дал для охоты всё-таки семь денечков отгулов, семь золотых деньков. Вот и успевай, Серёга, токуйся, как хочешь! Опять же, завтра годовщина отца. Вновь и вновь буду прокручивать калейдоскоп его и моей жизни».

Сергей с детства любил ружья. Это тоже от отца, промыслового охотника. Их в доме всегда было три-четыре. Троим братьям, совсем ещё пацанам, запрещалось к ним даже близко подходить. Если отец замечал, что мальчишки стоят у стены, где ружья висят, тут же отгонял строгим окриком: «Ведь не велено подходить! Малы ещё. Тут не игрушки вам. Имя невзначай не токмо лесное живьё, человека убить можно. Ружье, оно большой взрослости и справедливости требует». И только в подростковом возрасте начал обучать сыновей непростой науке владения ружьём.

Щемящим сердцем Сергей помнит ту горестную весну, навсегда разлучившую его с отцом. Погиб Василий Чашин, промысловый охотник, в тайге от злой руки человека, его браконьерской шальной пули, а не от дикого зверья, с которым прожил свой век бок о бок.

Для мальчишки из таёжной глубинки отец был большим миром познаний и добра, в который сыну предстояло попасть. Но нить оборвалась. Пришлось самому торить к нему тропинку в один след. Без отца. Но в душе Сергея и тогда, и сейчас жил и живёт его повелительный голос предостережением, назиданием, вечным зовом творить добро. Сергей не мог, чем бы не занимался, не думать об отце – это выше его сил. «Мои мысли с ним и о нём».

Помнится, как отец был непреклонен и строг на глухариной охоте. Глухарей он благотворил, о глухарях знал все тонкости и секреты, а душа купалась в их песнопениях. Смотря на него, казалось, и сам он вот-вот затэкекает.

Заклинал Сергея не губить глухариные стаи на галечниках у речных отмелей и яров. «Такое же преступление, что дитя губить у материнной груди». Как мог, оберегал славную, древнейшую птицу, приносящую охотнику ни с чем несравнимые забавы и удовольствия.

Бывало, заметив кормящихся самцов, безмолвно приказывал Сергею присесть на болотной кочке. Сам тут же замирал на корточках, чтобы не вспугнуть их. Смирившись с неподвижностью и безвредностью непрошенных гостей, птицы вновь припадали к ягодным кормушкам. Насытившись, обдавали ветром сильных крыльев изрядно подмоченных болотной жижей охотников и улетали. А на смену им подтягивались другие собратья по токовищу. Чащиным хорошо были видны их лоснящиеся бронзовые грудки и бойкие, озорные жёлто-рыжие глазки с клюквенными бровями.

«Пап! У меня аж дух захватывает от этой красоты!» – тихо шептал сын. Но Чащин – старший лишь движением пальцев одобрял его восторг. И тела их вновь принимали позу склонившихся под ветром пней. Так они могли часами наблюдать за реликтами, живущими на земле не одну сотню тысячелетий.

На охоте отец требовал неукоснительного подчинения. И, не дай Бог, без надобности заломить ветку, сорвать жарок, пламенем костра подпалить ствол или лапы хвойников. Даст такого пинка, мало не покажется. И прикажет: «Топай-ка пешком домой, коль вести себя по-человечески не можешь!».

В первые годы, уже самостоятельно охотясь в тайге, Сергей нередко сталкивался с этим непростым чувством – справедливости в охотничьих делах. Ведь из-за неуместной жалости можно вмиг «расшаркаться» желанным обедом голодному, атакующему зверю. Но, имея надежного защитника – ружье, жалко убивать зверя только за то, что ему дано природой: не ленись, побеждай, наслаждайся вволю добытым кормом – так выживешь, сможешь размножиться. Порой, нелегко давалась золотая середина. И, слава Богу, что крайняя необходимость, когда всё же приходилось убивать, случалась у Сергея редко. Чаще удавалось найти мирный исход недружелюбной встречи двух животных: человека и зверя. Побеждал разум. И тут же примером этому вспомнился никак не забываемый, навсегда проклятый им день.

... Прошлой осенью Сергей вымолил две недели отгулов и уже сидел в уазике, грея мотор, когда к нему подошли Тарасов и Тузукин, городские вахтовики – собригадники. Стали просить показать им таёжную глухомань, токовище и взять с собой на глухариную охоту. Не хотелось Сергею терять время на них, устраивать охотничий ликбез. Но те настойчиво умоляли, и он согласился. Привез их на токовище. Все, что сам знал, рассказал и показал.

– Не спешите, парни, стрелять. Вдоволь наслушайтесь глухариных трелей. Когда ещё выпадет вам такое счастье послушать их пение! Изначальные аккорды самцов – это что-то вроде четких и отдельных «тэ-ке...тэ-ке». Потом непередаваемые звуки начнут сливаться в короткую трель и...точение: «Скжищи- скжищи- скжищи!» Это и есть их миг божественного, страстного забытья... и глухоты перед безжалостной пулей. Но не будем о грустном... Слушайте глухаря сердцем. Сердцем же запоминайте неподражаемую и так волнующую настоящего охотника песню.

Над токовищем сгушались сумерки. Урман становился темнее и тише. Только чернозобый дрозд нет-нет да и затянет свое немелодичное щебетание, прерываемое трескучей позывкой «ка...ка».

Впереди короткая ночь. Неподалеку от тока разбили палатку. Сергей разложил уютный «токо - костерок». И потянулись тихие беседы за травяным чаем до трёх ночи. Но чуть посерело небо, и сразу ёкнула, встревожилась охотничья чащинская душа:

– Ну, мужики, ружья за спины и вперед!

Они гуськом, крадучись, направились к центру токовища. Услышав нарастающий свист за спиной, Тарасов остановился и боязливо спросив у Сергея:

– Что это?!

Тот чуть слышно, нервно ответил:

– Молчи ты! Говорил же – ни звука! Глухарь летит.

И тут же, обернувшись на лопотание крыльев, увидел глухаря. Следом за ним пролетели над их головами второй, третий. Потом пятый, седьмой...«Славненько натокуемся!» Порадовался бывалый охотник. Самцы разлетались по разные стороны и ныряли в густую крону деревьев. Дойдя до места, Сергей услышал первые звуки, скорее напоминающие негромкое щебетание пичужки, чем запев царственного глухаря. И вот уже едва уловимый конец песни.

Чуть поодаль раздалось более отчётливое начало, все учащающаяся, сливающаяся в мелодию трель, без остановки перешедшая на собственно песню, более нежную, пятиколенную «чи-чи-фшя».

Парни рвались к соснам и намеривались делать подскоки, но Сергей удержал их, грозя кулаком. И только в первых лучах разгорающейся над тайгой зорьки отпустил торопыг от себя. А сам, затаившись в схроне, продолжал сливаться с реликтовой симфонией токовища.

И вот уже реже и реже стали заливаться глухари любовными песнями. Сергей, прислушавшись к солисту на кружевной лиственнице, сделал несколько подскоков и затаился под её шелковистыми лапами. Над его головой глухарь, заканчивая последние «чи-чи-фшя», издал хвостом знакомый «пыррр». И тут же что-то тёплое коснулось кончика чащинского носа. «Это знак на удачу». И выстрелил. Не подходя к шумно упавшему глухарю, увидел на соседней ели в пятнадцати шагах от него низко сидящего на раздвоенном сухом суку ещё одного поющего...

Парни за две предрассветных зорьки положили в рюкзаки по два увесистых глухаря. Сергей считал это предельно избыточным лимитом удовлетворения охотничьего азарта.

Ему казалось, у гостей было достаточно времени, чтобы познать и подружиться с этим неповторимым глухариним миром, навсегда стать его верным другом и защитником. Хватало времени и сполна насладиться осенними дарами, красотами пылающей багрянцем тайги, подобрать у магических токо-костров, омыть душу небесной чистотой.

Перед отъездом, для прощальной встречи с глухариним сообществом, хозяин повёл гостей к речке на песчаник, где сытые, непуганные птицы, готовясь к скорой зиме и грубой пище, набивали свои безмерные желудки галькой. И были так увлечены этим занятием, так доверчиво беспечны, что любая бездумная рука могла за один миг уничтожить их.

В то утро на галечник слетелось около сотни взрослых глухарей с выводками. Прекрасные и гордые птицы! Величавые буро-рыжие копалухи, сизо-бурые, краснобровые самцы и картинной свежести красок молодняк. Сергей так увлекся редкостным зрелищем глухариного галечного отрешения, что сразу не заметил вскинутые на поражение ружья Тарасова и Тузукина. Но, оказалось, настрой незваных гостей был далёко не созерцательным, а преступным. Вскинув ружья и войдя в раж, они устроили

настоящую глухариную бойню. При этом ошалело восторгаясь и запихивая самых крупных самцов, окровавленных, убитых и раненных, в припасенные заранее кули...

«Папка! А ты сумел прикрыть глухариную стаю собой!». Сергей обезумел от горя, словно только что расстреляли у него на глазах близких, дорогих и любимых людей, а его самого изваляли в дерьме.

Чтобы остановить этот кошмар, он, выпустив несколько очередей вверх, потом направил дуло карабина поочередно на Тарасова и Тузукина.

– Пристрелю подлецов, если не уйметесь!

Не на шутку испугавшиеся горе-охотники, нет, не охотники...убийцы, побросав ружья, кинулись бежать к своей «Ниве», волоча за собой кули...

Оставшись один на берегу, Сергей упал на окровавленный галечник долго и безутешно рыдал под крики подранков, разрывающие человеческую душу.

Он прервал охоту и тут же вернулся в Байкит. На следующий день перевёлся в другую бригаду, только бы не видеть, забыть навсегда ненавистные ему лица нелюдей, погубивших десятки доверчивых и беззащитных лесных друзей.

2. Крещение испытанием.

Вернувшись в зимовье за полночь, Сергей долго не мог заснуть, перелистывая страницы ушедшего дня. Потом всё-таки придремнул, но тут же проснулся. Густая, влажная ночь ещё вплотную сливалась с окошком избышки. Выпил травяного настоя, пожевал чёрствого хлеба с салом, снял с крюка собранную с вечера сумку и разбудил жену Наталью..

– Затворила двери, – и нырнул за порог в обдавшую, как из ушата, холодом ночную темень. Рассыпанные по чёрному небу звёзды подмигивали яркими, разноцветными огоньками. Над зимовьем и тайгой звенела, покачиваясь и давя слух, тишина.

Сергей шёл легко и уверенно по отцовской натоптанной тропе. Эту тропу узнал бы из тысячи по отклику шагов в разные времена года, в солнечные деньки и в непогодь. Мягким ласковым шуршанием, поскрипыванием, постукиванием и легкой осыпью из скалистых щелей тропа подбадривала, оберегала и предупреждала об опасности. Сейчас она бесшумно стелилась под его скользящую поступь, лишь тихо, словно во сне, постанывая на крутых поворотах. С завязанными глазами он дошёл бы до самого токовища.

За охотничий сезон они с отцом нахаживали сотни верст вдоль и поперек угодья. Знали, как свой огород, все болота, низины и взгорки. На плане заштриховывали старые и новые, пройденные ими тропы зелёным пунктиром. Но оставались и неизвестные, трудно доступные места, затушеванные черной пастой. Они-то, черные дыры, и манили к себе Сергея. Но один, без отца, в исконную, нетоптаную человеком тайгу идти не решался. «Вот вернуться братья геологи в родные края, тогда держитесь, дыры! Скоренько у нас позеленеете».

Восток начал высвечивать высвечивать верхушки деревьев. Бодрящая лазоревая дымка просачивалась по стволам хвояков и уплотнялась до белесого света в их косматых кронах. В заросшем карликовым сосняком мыске, у заболоченного ручья, что меж кочек незаметно сползал в речку, послышалось громкое и злобное уханье филина. «Только этого разбойника не хватало! Не испортил бы мне предрассветного бала». Он, будучи подростком, не раз наблюдал за лесными разбоями вошедших в раж филинов. Их уверенный, волнообразный, почти бесшумный полёт низко над землей всегда увенчивался успехом. Жертвами оказывались зайцы, белки, и нередко глухари. Пронзённые мощными когтями хищника, они тут же испускали дух, окропляя землю алой кровью. И, если филин потешится на току, охоте в тот день не бывать. Надо было ждать новой зорьки и сомневаться, прилетят ли певцы вновь.

... По лесу разносились нестройные голоса ранних птиц, когда Сергей добрался до схрона. Тюлиликал, радуясь новому утру, лесной куличок фифи. И вдруг откуда-то донеслось тихое, но чёткое пение глухаря. Не успел он вывести и нескольких сольных колен, как его поддержали перепевами в разных концах токовища сразу несколько самцов.

Сергей, по данному той горестной весной зароку, сегодня будет слушать долго отцовых любимцев и только в конце тока, на разгулявшейся зорьке, одним метким выстрелом откроет сезон.

И вот настал его охотничий час. Прямо над собой он увидел летящего красавца. Тот чуть не съёс могучими крыльями крышу схрона из тонких веток тальника и уселся неподалеку на нижние ветки сосны. Минутой позже глухарь уже заливался любовными трелями. Сергей, растворяя себя в рассветном мареве, сделал к нему несколько бесшумных подскоков. Затаив дыхание, пропустил ещё несколько ласкающих слух песен. И только где-то на пятой, дождавшись заключительного аккорда «чи-чи-фшя», выстрелил. Глухарь ушёл из жизни в тот самый момент, когда, впад в сладострастие, ничего не видел и не слышал. Не мучился.

Мощное, громыхающее эхо меткого выстрела победоносно понеслось далеко за пределы токовища.

Бойкий рассвет щедро лил розоватый свет на плывущие горбатые облака. Падающий с высоких небес пронзительный свет покачивался в потоках свежего ветерка, разливаясь бело-розовой акварелью по многоликой проснувшейся тайге. Любовные песни глухарей внезапно стихли, словно кто-то волшебной палочкой в одно мгновение оборвал их чарующий напев. И сразу лес наполнился громким, отрывистым и ненасытным «бок- бок-бок». Это копалухи под глубокое молчание своих возлюбленных шумно покидали любовное ложе. Картинно планируя над землей, они неторопливо разлетались по своим гнездовищам, чтобы пополнить их.

Чашин сидел у костра на закрайке токовища. Здесь в прискальном редколесье на солнечной, защищенной от ветров стороне, он привычно любовался каждой весной еще одним неповторимым таежным чудом – сибирскими ярко оранжевыми жарками. Такой красоты роз он нигде не встречал! «У зимовья только стебельки выбросили, а тут всюю оранжевой прелестью полощутся. Видать, холодновато им там, в густом хвойнике», – подумал он и прилег у трескучего костерка, любуясь легкой, переливчатой рябью пламенеющего цветочного моря. Сушняк давно догорел. Только угасающее мерцание углей заставило Сергея с усилием оторваться от завораживающих взгляд жарков и взяться за разделку глухаря. По отцовой, теперь и своей привычке, он никогда не приносил дичь в кровавом оперении домой. Выпотрошив внутренности, посолил и замуровал добычу в сырую глину, как в тесто. Выкопал в кострище нужной глубины ямку, уложил на дно дичь, засыпал горячей золой и сверху нагреб горкой горячих углей. Через час-полтора в такой «жаровне» глухарь будет готов «слететь к столу». Его перьевая шубка снимется вместе с глиной. Останется только завернуть желтовато-белую, аппетитно дымящуюся тушку в чистую тряпицу. И всевидящей Олесеньке, дотошной пятилетней дочке таёжного охотника, не придётся стыдливо объяснять, «кто убил такую красивую птичку?»

У Сергея было в запасе время, и он направился по закрайку токовища осмотреть гнёзда копалух, в которых, по его подсчёту, должно быть от пяти до восьми яиц. Кладка заканчивалась. Вот и на берёзе лист крупнеет – верная примета. Скоро копалухи накрепко привяжутся, вырастут в гнездовища и станут незаметными любопытному глазу. Денно и ночью будут бдеть, согревать яйца, лишь изредка в тихий ночной час слетая испить водицы и, если повезёт, заглотать какого-то живья или кедровой хвои. «Любишь кататься, люби и саночки возить!», – почему-то припомнились Чашину слова известной песни.

У глухарей отцовство тоже заканчивается любовными утехами на токовище, а все дальнейшие заботы о потомстве лягут на копалух. Вылупившиеся в конце июня по пять-

девять штук в гнезде глухарята, будут без умолку громко и отчаянно пищать. Дождавшись мать с добычей, станут выхватывать её один у другого, раздирать прокорм острыми клювиками и коготками, мгновенно заглатывая, чтобы с трудом доставшуюся долю не отобрали ловкие и ушлые собратья.

Каждому глухарёнку надо непременно быстро стать крепким и сильным. Так распорядилась природа: уже через месяц потребуется от них «встать на крыло» и совершить первый полёт над своей колыбелью. А в сентябре навсегда распрощаться с гнездовьем и теплом материнского крыла.

На окраине Сергей заметил оставленное без присмотра гнездо. «Видно, копалуха где-то кормится». Он тихо согнулся над ним, словно боялся нарушить покой будущих птенцов. Семь крупных желтоватых яиц, украшенных пасхальными красно-коричневыми пестринами, были заботливо прикрыты клочьями мха. «Ещё день-два, и самка сядет». Едва успел отойти от гнезда, как крупная глухарка приземлилась на него. Её настойчивое громкое «бок-бок-бок», отгоняя прочь, ударило о его спину.

Росистая утренняя тайга нежилась в первых лучах выкатившегося из-за скал золотистого солнца. Чашинская душа купалась в весне и растворялась в звенящем новой жизнью зелёном безбрежье. Это были редкие и счастливые минуты его единения, слияния с лесным миром.

Вдруг откуда-то издалека донёсся непонятный треск и приглушённые звуки, напоминающие помесь бормотания с надрывным стоном. «Кто-то идёт не по тропе. Не то человек, не то зверь». Потом всё стихло. «Неужели показалось?! Вроде, на моё угодье никто из местных не зарился и не хаживал». И вновь повторились те же смешанные воедино, но уже более отчетливые и громкие звуки. Сергей уловил, откуда они исходят. Замер, снял с плеча ружье. Оглядевшись по сторонам, увидел впереди не высокую, но пушистую пихтушку, спрятался в ней и затаился. «Надо переждать, послушать. Может, заплутал кто из геологов, везде бродят, пробы бурят». Прошло около получаса. И когда в третий раз затрещал валежник, стала ясно: кто-то движется в его сторону, периодически отдыхая или чем-то попутно занимаясь. Но его настораживал и беспокоил стон, теперь уж ясно – человеческий стон. «А, была- не была пойду навстречу, а там разберемся!».

И вышел из схрона и побежал навстречу тревожной неизвестности.

В недрах Эвенкии исстари скрываются несметные природные кладовые. Вслед за изысканиями и разработкой уникальных залежей исландского шпата, начался поиск нефти и газа. Разведчики чёрного золота бурят от Ванавар до Куюмбы и ещё ниже по Тунгуске. Вахтовые станы тянутся вдоль реки близ посёлков и оленеводческих стойбищ. Только в округе Байкита их около десятка. Рядом с буровыми в балках проживают бригады вахтовиков, рабочих с материка. Молодежь из ближайших эвенкийских факторий берут неохотно. Не обучены. Лишь изредка кому-то повезёт, как Сергею: «Толковый и здоровяк. Берём!». Остальные после интернатов возвращаются в стойбища, к исконным промыслам – труду бесценному, но тяжкому. На грани ежедневного подвига воли и разума человека в суровых условиях тайги и холода. Труду мало оплачиваемому, без выходных, культурного досуга и бытовых удобств.

Прочитав в армейской газете приглашение на работу в Эвенкийскую нефтеразведку, Владислав Ильин и Есимхан Жангалиев, родом из Оренбургских степей, написали запрос и вскоре получили на него ответ и два поимённых вызова. Им по прибытии в Байкит обещали бесплатную учебу на курсах, а также выплату подъемных и проездных до места работы. По-братски сдружившиеся во взводе связистов Владислав и Есимхан решили и после армии не разлучаться ни при каких обстоятельствах. Русский и казах побратались. Так и невестам своим написали. Готовьтесь, мол, стать сёстрами. Конечно, хотелось поступить в институт, но обстоятельства пока не позволяли. Антона воспитывался матерью без отца. У Есимхана тоже недавно умер отец, и надо было помогать растить младшую сестрёнку.

Сибирь их встретила по-матерински радушно. Все обещанное в вызове было исполнено. Окончив курсы бурильщиков, Ильин и Жангалиев вахтовым самолётом вылетели в Байкит. Вадислав и Есимхан сразу пришились по душе буровикам. Весёлые, добродушные, спортивные.

И ребятам тоже понравилось на буровой: простые, приветливые люди, порядочность деловых отношений, завораживающие красоты эвенкийской природы. Тайга сразила наповал. Нигде не видели такого чарующего зрелища. Зареклись: в впервые же свободные часы устроить «прописку» у таёжного костра.

Так и поступили...

На третий день своего пребывания на буровой, отработав смену и никого не предупредив, решили они поближе познакомиться с тайгой. Погода стояла куда лучше: тихая и солнечная. До сумерек оставалось не менее трёх часов. Им казалось, вполне достаточно для первой прогулки.

Местные жители знают, как опасна весенняя тайга: кое-где заснеженными и потому не видимыми глазу глубокими горными трещинами и разломами, топкими болотами. Вокруг скалы да взгорки. Попробуй потом докричаться до людей. А встреча с голодным, не насытившимся после голодной зимы лесным зверьём тоже не подарок.

Знали, думали ли об этом парни? Может, в их Оренбуржье и леса-то нет... Бригадир позже скажет, что «сто раз говорено было, предупреждал».

Наступила ночь, а парни не возвращались. Бригадир забил тревогу. Мужики разложили костры, палили из ружей, но ни утром, ни следующим днём Ильин с Жангалиевым на стан не вернулись. Тогда бригадир доложил начальству в Байкит. Подняли на их поиск вертолеты нефтеразведки, которые посменно бороздили эвенкийское небо вдоль и поперёк, от рассвета и до темноты. Кружили над тайгой всю неделю...

Товарищи по бригаде, геологи и охотники тоже помогали искать пропавших бурильщиков, оставляя у зарубок на деревьях все необходимое для выживания в тайге, создавали коридоры спасения, обозначив их белыми лентами располосованных простыней. Безрезультатно.

В районном отделении милиции завели уголовное дело. Следователь с пристрастием допросил каждого, кто проживал на буровой. Появились, в том числе и криминальные, версии.

На шестой день исчезновения Ильина и Жангалиева проходивший мимо стана охотник – эвенк спросил у бригадира: «Не пропадали ли в последние дни люди?». И подробно рассказал, как три дня назад, в двух километрах отсюда, встретил огромного медведя, жертвой которого едва не стал сам. Зверь, видно, давно следил за ним, шёл по пятам. А подстерёг и набросился на охотника из-за выступа скалы. «Как только увидел близко его морду, понял, этот зверь, однако, знает вкус сладкого мяса. За тридцать лет промысла с медведями – людоедами пришлось встретиться всего два раза. Обычный медведь, за версту чует человека, старается разойтись с ним мирно. Так бывало. Этот же, громада, на задних лапах быстро двигался прямо на меня. Дико ревел, мотал головой. Из перекошенного рта летела на камни липкая пена. Я успел вскинуть карабин и выстрелил ему в левый глаз. Попал точно. Сам же с перепугу высоко, однако, сиганул в сторону. Медведь рухнул замертво. Когда разделявал тушу, в желудке обнаружил клочки волос. Может, и человеческих... Чёрные и светлые.

Двух пропавших друзей в бригаде так и называли в шутку: белый и чёрный. Улику переправили следователю на экспертизу. Поиски прекратились.

Какая на самом деле приключилась трагедия с бурильщиками, теперь уж никто не узнает. Жаль ребят, но таковы жёсткие правила тайги: побеждает умный, сильный, осторожный.

Пробежав около двухсот метров, Сергей заметил лежащего под кустом заросшего чёрной щетиной высокого мужика в спортивном трико и ветровке.

– Эй, кто ты? – грубовато и громко окликнул его хозяин угодя.

– Я не здешний. Есимханом зовут. С буровой я... Мы с другом заблудились. Неделю уж плутаем...

Парень с трудом пытался подняться, опираясь на две березовые палки, но не смог и громко взревел.

– Где друг-то твой? – осторожничая, с ним уже всякое случалось, допытывался Сергей.

– Здесь, недалеко... под кедром лежит.

– А что с ним?

– Полез за шишками и оборвался. Ослабли мы... Я ничего, терплю... Влада бы скорее в больницу... Без сознания он...

Теперь стало ясно – это и есть те самые бурильщики, «съеденные медведем».

Чашин заспешил к парню и помог встать.

– Обопрись на меня, отдохни. Вот радость-то! Живые! А вас ...

Он поперхнулся, не найдя в себе сил произнести что-либо из-за ершистого комка в горле.

– Как же вы сюда дотопали! Это ж по прямой вёрст семьдесят, а по тайге все двести!

– Не знаю... шли и шли... Вначале все было замечательно. Перебрались у буровой через ...ручей с завалами...

– Распадок?

– Да-да... распадок. Уперлись в горку. Вскарabкались. А там старый пихтовый лес...

– Бор?

– Да-да, бор. Корни, как руки, над землей переплелись. Прыгали, прыгали. Удивлялись, шутили. Весело было. Не заметили и перешли совсем в другой лес...

Ели, сосны, красивые оранжевые маленькие розочки... Нарвали букеты. Идём, смеёмся. И вдруг сразу потемнело в лесу...

– У нас в тайге так. Спрячется солнышко за скалу, и сразу темень вокруг.

– Куда идти – не знаем. Решили заночевать у костра. Говорят, утро мудренее...

А проснулись – задождило. Серо и сыро. Ни фи́га не видно. Забрались под старую ёлку и сидим. Опять заночевали. А потом метались по лесу, как звери в клетке. Везде, вроде, были, а выйти к той первой пихтовой горе не смогли.

– Где там! Они тут все одна на другую похожи, пока не обвыкнешься. В детстве тоже не раз колесил вокруг да около. Старшие братья находили меня и уже от себя не отпускали. Ну, отдышался? Что с ногой? Давай, посмотрю. Я опытный. Мы на курсах бурильщиков медицину проходили. Так, для случая.

Сергей усадил парня на пень и, задрав до колен штанину, в испуге отскочил.

– У-у, браток, да у тебя... Боже ж ты мой... такой переломнице! Как же ты шёл?!

– Да полз я.

– Нога на глазах пухнет! Кость наружу торчит! Давай, скоренько кровь остановим и возьмёмся мастерить шины. Давно эта беда?

– Сегодня утром на кедр вместе с Владом полезли...оголодали. Шишки высоко... Сначала под ним сук обломился. Смотрю, не встает, как мертвый... Я заспешил вниз и шлёпнулся боком, а нога по камню скользнула. Сгоряча ещё встал на неё и к Владу... Он дышит, но в себя не приходит. Потом ваш выстрел услышал, как из пушки. Обрадовался, вскочил, а идти не смог. Пополз к молодым берёзкам, сделал рукам опору. Жалко берёзки, но куда без палок...

Сергей перевязал ему рваную рану своей чистой рубахой, ловко выстрогал ножом из сухой осины до самого бедра две шины, закрепил и крепко примотал к ноге.

– Ладно, Есимхан, надо торопиться, сперва проведу тебя к костру и потом буду искать Владислава. Ты не стесняйся. Одной рукой держись за меня, другой – за палки и потихоньку скачи.

Они медленно продвигались к токовищу. Шины немного уменьшили боль, но она все равно была невыносимой. Есимхан искусал губы и, взывая, стонал. Чтобы хоть как-то отвлечь его, Сергей продолжал говорить с ним.

– Я тоже бурильщик, с соседней буровой и зовут меня Сергеем. Чашин. Это моё удовольствие. В двух верстах и зимовье. Самое дальнее. А за мной – ничейная, не хоженная тайга. Повезло вам с другом крепко, при ваших-то делах... Всё отец! И тут добро людям сослужил. Не его бы годовщина, вряд ли приехал я сейчас в зимовье.

– Он с вами?

– Да не выкай ты! Считай, товарищи. А отца уж пять лет, как нет. Погиб тут, у речки, на песчанике...

– Прости... те... ти. Привыкну... – и закашлялся.

– А дорогу к Владиславу запомнил?

– Да-да. От кедра до места, где ты нашёл меня, рвал рубаху и привязывал ленты, насколько дотягивался, к веткам. Найдёшь быстро.

Только сейчас заметив вокруг губ Есимхана запекшуюся кровь, Сергей спросил:

– Что? Искусственное дыхание «рот в рот»?

– Да-да... У него изо рта кровь бежит...

– Ладно. Видишь впереди кострище? Тут несколько метров осталось.

– Вижу. Так вот, подожди нас с Владиславом здесь или потихоньку ползи к костру. Я мигом.

– А, может... на поползти к вам навстречу?

– Да ты что! Ну, придумал! С твоей-то ногой?! Сам справлюсь. Ты не храбрись, у тебя ведь всё очень серьезно. Потом, видишь, мужик я – о-го-го! Бог силушкой не обидел.

И бегом направился в указанном направлении. «Надо спешить! Всякого зверья в округе полно. Почуют кровь – не побрезгуют».

Через полчаса увидел перед собой сидящего под кедром Ильина. Тот сиплым голосом звал Есимхана, стонал, его рвало сгустками запёкшейся крови.

– Кто вы?!- тихо спросил Владислав, увидев склонившегося над ним Сергея. – Мы с другом – рабочие с нефтеразведки... Заблу-у ...

И опять потерял сознание. Сергей сломил огромную лапу с ближайшей пихты, уложил Владислава, перехватил его под мышками своим ремнем и потянул к костру. Постоянно оборачивался, но Ильин был в беспомощности.

Есимхан, постанывая, лежал у костра.

– Как он?!

– Приходил в сознании. Даже сказал несколько слов.

– Вы быстро вернулись, а я только добрался. Последние метры кое-как дались.

Руки обессилили... Нога ... Хоть криком кричи... Терпения не хватает...

Сергей разгрёб золу и достал глухаря. Освободил от глиняного «тулупа» и глубоко проколол его сухой веткой.

– Готов, красавец, готов! Давай, Есимхан, подкрепись.

– Недельку на подножном корму... можно ли...мясо? – он заметно слабел, и голос еле слышен.

– Чуть-чуть не повредит. В пакете возьмёшь хлеб и брусничную воду.

Он быстро намочил чистую тряпку, приготовленную им под глухаря, и приложил ко лбу Владислава.

– Наверное, сотрясение. У меня в детстве было такое, когда с отцом шишковали в этих местах. Так же тошнило. Ладно! Оставайтесь и ждите. Вот тебе, Есимхан, на всякий случай ружье. Стрелять-то приходилось?

– Мы с Владом только демобилизовались. Дома на гусей и уток ходил к озерам.
– Вот и славненько. Держитесь, я мигом. Постараюсь уазик поближе к вам подогнать.

Есимхан поднял на него кричащие от боли, полные слёз и мольбы глаза.

– Спасибо. Сам Аллах послал тебя к нам...

– Все «спасибо» потом. А сейчас ешь! – и подал ему в руки аппетитно дымящуюся ножку глухаря.

Озорные, горячие лучи солнца кувыркались в мохнатых шапках хвояков, ласкали подрастающее таёжное разнотравье. Глубокие расщелины, лесные непрогретые ручейки и болота дымились легкой утренней испариной.

Подбежав к зимовью, Сергей заполнил из канистры с бензином бак уазика до краёв, проверил масло и подкатил верного «коня» к двери зимовья.

– Наталья, бегом в машину. Бурильщики нашлись. Поранились они, надо срочно везти в больницу.

Бывалый уазик ещё не видывал такого экстрима. Его кидало по таёжному бездорожью. Чащин едва успевал тормозить и уклоняться от летящих навстречу деревьев. Но ему удалось вплотную подъехать к костру. Есимхан сидел, держа голову друга на своих коленях. Увидев приближающегося Сергея, заулыбался, замахал руками. Сергей познакомил его с женой и помог забраться на заднее сиденье. Владислава осторожно уложили рядом с другом и привязали к стойке, чтобы не свалился.

– Ну, конь буланый! Скачи по горам и долам домой. Держитесь крепче. Будем спешить! – и, обернувшись к Есимхану, весело подбодрил его. – Всё устаканится! Костлявая уже проскочила мимо вас.

Чащинская душа ликовала и пела. А как же иначе?! В его жизни такое чудо свершилось впервые: две спасённые им молодые жизни! Страшно подумать, что было бы, если бы не годовщина отца...

В больнице сделался небывалый переполох. К парням сбежались врачи, медсестры и всё ходячее население палат. Вот-те на! Вычеркнутые из списка живых – воскресли! Байкитяне неуёмно радовались этому чудесному воскрешению. Больные, не стесняясь, вытирал слёзы, восторгаясь мужеством бурильщиков, достойно проглотивших первый горький ком таёжного блина.

Владислава переложили на качалку и увезли в хирургическое отделение, а державшегося из последних сил Есимхана народ никак не хотел отпускать. Но строгий голос травматолога прекратил общение с героем дня. Его тут же увезли в процедурную.

Сотрудники РОВД толпились в кабинете начальника. Вопросам – расспросам не было конца.

– Вот так-то, господа хорошие, мордой об асфальт учит нас жизнь, как надо осторожно людям ярлыки навешивать! Толком ни в чём не разобрались и приостановили дело до получения из края результатов экспертизы. Подтолкнули нефтяников к решению прекратить поиски. Фактически мы первые отдали двух молодых парней на откуп случаю. Хорошо, Чащин оказался там. Бесстрашный, с трезвым рассудком. Другой бы, услышав неладное, драпанул побыстрее в посёлок.

На прощание полковник крепко пожал Сергею руку.

– Мы разберёмся с виновными. Такое, к сожалению, случается. Но ты молодчина!

Чащин заторопился в свою контору. Там тоже стоял шум до потолка. Начальник РОВД по телефону уже обо всём рассказал Петрову. Тот, взявшись за голову, ругался последними словами. Никто из его подчинённых и не догадывался, что начальник

нефтеразведки *такое* мог позволить. Придя в себя, Василий Семёнович долго извинялся, так как его слушала вся контора. Забыл отключить после планерки микрофон. Любитель крепкого рабочего словца, он до мата никогда не опускался. При нём, упаси и помилуй, кому выматериться. А тут!..

Коллектив управления нефтеразведки собрался в конференц-зале.

– Старый дурень, доверился заверениям! И кого?! Этих щеголей, вертохвостов! Сожгли, по их словам, две цистерны керосина. Нету, мол, в живых, нету. В одну трубу пели! Пусть у милиции складно получалось: и свидетель с письменным объяснением, и рапорты вертолётчиков. Но бригада! Почему смирилась бригада?! Знали, парни леса-то не нюхали. А тут тайга. Надо было толпой ринуться за ними по горячему следу. В тот же вечер вертолётки поднять. Так нет! Бригадир целые сутки помалкивал. Чего боялся? Стыдоба... Чуть не загубили своих же товарищей, с которыми успели попотеть, похлепать щей из одного котла!

Петров хлестнул недобрый взглядом и по - мальчишески дерзко передразнил недавно присланного из Москвы своего заместителя по общим вопросам Романовского.

– «Под лупой на сто верст в округе просмотрели!» – и замолчал, схватившись рукой за левое подреберье. В просторном кабинете повисла тревожная тишина. Но только Петров убрал с груди руку и поднял над столом, привычно тряхнув красивой седой головой, как нефтяники загудели. Теперь уже громко и радостно. Василий Семёнович тоже счастливо улыбнулся. На всех была одна радость – живы парни, живы!

– Давно присматриваюсь к тебе, Чащин. Железный ты мужик, хоть и молод ещё. Цены тебе нет: мало говоришь, да толково действуешь. В разведку с тобой пошёл бы. – Это была высшая награда от Петрова, которой удостаивались избранные. И ни в ком он не ошибался.

– Вытащим из больницы ребят, сам подберу тебе бригаду. Считай, что в твоём списке два бурильщика уже есть. Пора, Сергей, расти. И готовься осенью на заочное в наш институт. Толковый руководитель из тебя получится.

– Василий Семёнович! Так поступил бы каждый...

– Ладно. Этот случай и у наших авиаторов станет предметом особого разбирательства. Давай, Романовский, дуй-ка в больницу. Если медикам потребуется краевая санавиация – соглашайся на любые затраты. Надо ребят на ноги поставить. А мы с Чащиным махнём в гостиницу. Там их матери вчера прилетели. Виделся с ними. Чернее земли. Не спят, не едят. Сказали, будут ждать заключения экспертов. Мы с Сергеем должны аккуратно подготовить женщин. От трагических потрясений к счастливой вести. Их и радость убить может. Боже мой! Такие стрессы. Романовский, договорись с врачами, чтобы матери сегодня же, хоть одним глазком, поглядели на сыновей. Пошли, Сергей, принесем им за всех нас, умников, извинения. Ты не в счет, ты настоящий умник!

Петров вдруг ушёл в себя, задумался, по его лицу пробежала серая тень.

Год назад в Чечне пропал без вести его единственный внук Игорь. Испытания трагической неопределенностью и собственной беспомощностью дорого обошлись ему: похоронил жену, перенес инфаркт.

Да и сын с невесткой не живут – существуют. В ожидании непоправимого. А его самого только работа да люди спасают. Врачи настаивают на инвалидности. Да где там! Лишь дома, наедине с собой, иногда давал волю излиться безутешному, нескончаемому горю...

Начальство настоятельно удерживало Василия Семёновича и просило оставаться до конца в боевом строю. Да и как им без Петрова! Кто ещё имел такое природное чутье на нефтяные «огороды»? Никто.

Войдя в небольшой гостиничный номер и поздоровавшись с одетыми в траур женщинами, Василий Семёнович встал перед ними на колени.

Небывалый в их жизни жест мужчины, да ещё большого начальника, ввёл их в полное замешательство. Чащину показалось, что они почувствовали перед этим

седовласым человеком какую-то неловкость. Может, за свой вчерашний трудный разговор на повышенных тонах... «Не уберегли!», «Почему отпустили одних!»...

Они склонились над Петровым и стали извиняться. Тут-то он и повинулся и за себя, и за свой коллектив. Осторожно, подбирая каждое слово и наблюдая за состоянием, убитых горем матерей, начальник нефтеразведки рассказал о причине своего визита.

Что тут началось! Словами не передать.

– А вот и спаситель! – Василий Семёнович познакомил Клавдию Давыдовну и Калампыр Садыковну с Чащиным. Те бросились к нему и встали перед ним на колени. Сергей сразу засмутился. Не зная, куда деться от бесконечных материнских слов благодарности, перевёл разговор на другое.

– Мы с женой Натальей и дочкой Олесенькой приглашаем вас сегодня на годовщину отца и первого в этом сезоне глухаря, – подумав, добавил, – а сейчас собирайте свои вещи, выписывайтесь из гостиницы. Будете жить у меня. В отцовом доме всем места хватит.

В больнице их встретил главный врач и успокоил:

– До свадьбы, даже скорой, всё заживёт! Ильин отделался сотрясением мозга и прикусом языка. Через две недели будет, как штык в строю. У Жангалиева дела посложнее: открытый перелом ноги, большая потеря крови и острый бронхит. Но тоже ничего страшного нет. Конечно же, оба нуждаются в усиленном питании и отдыхе.

Счастьем матерей не было конца. Они пытались целовать Сергею руки...

*****